

## Глава 1132: Провинция Цун

Чем именно была война?

Многие ученики Горы Ли исполняли службу на фронте и чувствовали в войне против демонов.

Но если говорить о понимании войны, среди присутствующих действительно не было никого, кто мог сравниться с Чжэсю.

Гуань Фэйбай и другие посмотрели на Цюшань Цзюня.

Будь это в культивации или в жизни, когда они сталкивались с каким-то нерешаемым вопросом, они часто просили указаний у своего старшего брата. Это была привычка, которую они развили за много лет.

Цюшань Цзюнь сказал: «Не смотрите на меня. Я тоже не знаю, и не планирую узнавать».

Гуань Фэйбай и другие были весьма удивлены, тогда как Гуань Фэйбай был глубоко шокирован. Он понимал скрытый смысл в словах Цюшань Цзюня.

Перед уходом Нанькэ сказала, что встретится со всеми в том месте.

Старший Брат, ты... не планируешь идти?

.....

.....

С восходом утреннего солнца был раскрыт истинный вид равнин. Раны, оставленные сокрушительным давлением горных гряд, простирались на несколько десятков ли, и выглядели довольно эффектно.

Огромный воздушный змей летел на ветрах вдали. Что касается того, куда воздушный змей отправился ночью, и как Сяо Чжану удалось вернуть его, никто не знал. Белый Журавль в пике интереса полетел вдогонку. Он следовал за воздушным змеем около десятка ли, пока Сяо Чжан под воздушным змеем больше не смог выдерживать, что на него смотрят, и выругался, после чего Сюй Южун отозвала Белого Журавля.

Ван По тоже собрался уходить, не особо говоря с Чэнь Чаншэном. Как и Сяо Чжан, он был простым и прямолинейным, потому что все знали, что они вскоре встретятся вновь.

Он оставил Циляня Красного Облака позади, не говоря, было ли это его намерение или намерение индивида в Лояне. Чэнь Чаншэн догадывался, что это было второе.

Трава быстро росла в теплоте весеннего солнца. Чэнь Чаншэн и Сюй Южун пошли глубже в равнины и обнаружили несколько следов, оставленных эльфами.

Тогда, в Саду Чжоу, он считал, что она была молодой девушкой-эльфом, которая целенаправленно посвятила себя возрождению своих родных земель. Позднее, когда он возвращал мечи Сада Чжоу различным сектам мира, Поп спросил, хотел ли он какую-то награду. Он попросил эти равнины с намерением помочь ей совершить ее предсмертное желание.

Только позже он осознал, что это было недопонимание, и он также узнал, что эльфы

отправились на далекий Великий Западный Континент без мыслей о возвращении на Восточный Континент.

Эти равнины стали собственностью его и Сюй Южун.

С определенной перспективы, эти равнины были физическим символом их любви. Об этом также можно было подумать, как о приданном.

Когда они достигли самой глубокой части равнин, Чэнь Чаншэн вытянул левую руку к солнечному свету. В его ладони была черная каменная жемчужина.

Завыли ветра, загремел гром, и воздух наполнила слабая вонь, тогда как солнце было скрыто, и мир потемнел.

На равнинах появились десятки тысяч монстров, как плотная волна.

Эти монстры, прославленные за свою жестокость и боевую силу, были неожиданно дисциплинированными. Они послушно поклонились на земле, даже не смея громко дышать.

Эти монстры вышли из Сада Чжоу.

Полагаясь на согласие, которого эти монстры достигли с Чэнь Чаншэном, все те монстры, которые хотели покинуть Сад Чжоу, сейчас были отправлены им в равнины расы эльфов.

Эти монстры составляли треть монстров, живущих в Саду Чжоу.

Исполинский Бык и Свергающий Горы Бес не вышли. Они привыкли к своей жизни в Равнинах Незаходящего Солнца. Более того, они испытали жестокости реального мира несколько столетий назад и утратили к нему интерес.

Земляная Обезьяна вышла снова. Она поклонилась перед всеми другими монстрами, в месте, ближайшем к Чэнь Чаншэну, и начала целовать грязь у его ног.

«Не забывайте, что вы не можете покидать эти равнины».

Чэнь Чаншэн напомнил Земляной Обезьяне.

Это было условие их соглашения.

Эти равнины, однажды принадлежавшие эльфам, были исключительно широкими, а по их краям было две невероятно длинных горных гряды. Если бы не невыносимые зимы и невероятно кровавая атмосфера, это место не было бы таким заброшенным. Но для этих монстров все это - испытания, которые можно превзойти.

«Ты когда-нибудь думал о проблеме, которая возникнет, если монстры продолжат увеличиваться в числе?»

Сюй Южун посмотрела на монстров в равнинах со смешанным выражением лица.

«Это вопрос на время несколько тысяч лет спустя. Нет надобности думать о такой далекой проблеме».

Чэнь Чаншэн подумал еще и добавил: «Я, вероятно, не смогу прожить до тех пор».

Сюй Южун сказала: «Именно потому, что ты будешь мертв, ты должен задуматься об этой проблеме. Кроме тебя, эти монстры не станут слушать приказы ни одного человека».

Чэнь Чаншэн вздохнул: «Твои слова и правда разумны».

Сюй Южун предложила: «Если этих монстров использовать для сражения против волчьей кавалерии демонов, это даст внушительные результаты».

Чэнь Чаншэн не мог ответить на прошлый вопрос, но искренне ответил на этот.

«Это война между нами и демонами. Для них нет причин участвовать, и это очень опасно».

Сюй Южун спросила: «Не должны ли мы использовать всю нашу силу в войне против демонов?»

Чэнь Чаншэн сказал: «Я так не думаю. Будет достаточно, если мы приложим все наши усилия».

Прошлой ночью Горный Человек Яньчжи не дал Горным Людям Цзинбо и Ичуню отомстить за него, сказав им уйти. Впоследствии он сказал кое-что.

Он приложил все свои усилия за демонов и мог гордо посмотреть в глаза своему учителю после смерти, так что ему не нужно было делать что-либо еще.

Чэнь Чаншэн никогда не думал о том, сможет ли он с гордостью посмотреть на своего боевого дядю или Архиепископа Мэй Лиша после смерти. Ему только было нужно подумать о том, что он мог сделать, чтобы убедить себя.

Потому что он культивировал Дао следования своему сердцу.

Заключение, полученное им в конце, было очень похоже на заключение Горного Человека Яньчжи. Будет достаточно, если он приложит все свои усилия. Если он действительно приложит все усилия, его сердце будет в мире.

Как можно было приложить все усилия? Он мог пожертвовать своей жизнью, но ему не надо было жертвовать более, чем этим.

Например, меняя способ взаимодействия в этом мире.

Это было еще важнее, чем жизнь.

Сюй Южун задумалась, говоря: «Даже если ты и правда так думаешь, ты не должен говорить это».

Он был Попом расы людей. Каждое его слово и действие окажет невероятное влияние на его рьяных верующих и даже сможет изменить ход войны.

Чэнь Чаншэн понимал, что она подразумевала, и вздохнул: «Я только могу говорить это перед тобой и другими».

Пока его статус становился все более и более почетным, а его престиж рос выше и выше, для него становилось все более неуместно говорить о многих вещах. Например, он больше не мог сидеть рядом с Тангом Тридцать Шесть на большом баньяне, отдирая кору, чтобы бросить ее толстой кой в озеро, а затем попросить Сюаньюань По сварить десяток синих омаров в имбире

и перце, перед тем, как бросить их в озеро для рыб.

Правила Ортодоксальной Академии отчетливо заявляли, что рыболовля, поимка, удары, или какие-либо другие действия, которые могли навредить рыбам, были строго запрещены, и Су Моюй строго добивался выполнения этих правил. Что важно, наблюдало много учителей и студентов, и десять синих омаров были слишком экстравагантными. Танг Тридцать Шесть мог есть их, но он, как Поп, не мог.

Сюй Южун знала, что он подразумевал под 'другими'.

Кроме нее также было несколько тех людей в Ортодоксальной Академии.

Даже если те люди уже покинули Ортодоксальную Академию, возвращаясь в Город Белого Императора или отправляясь на Гору Ли...

Они все еще были самыми доверенными и близкими друзьями Чэнь Чаншэна.

«Танг Тридцать Шесть, вероятно, только почувствует жалость, что мы не смогли полностью использовать этих монстров, но Чжэсю определенно будет в ярости. По мнению этого волчонка, все, что сможет помочь убить врага, должно быть исполнено. Твое действие кажется милостивым, впечатляющим и открытым, но оно просто глупое».

Лицо Сюй Южун было маской презрения.

Оно все еще было прекрасным, как картина.

«Возможно».

Чэнь Чаншэн горько улыбнулся: «Мне кажется, что ты считаешь так же».

Сюй Южун проигнорировала его, начиная уходить с равнин.

Чэнь Чаншэн внезапно подумал о чем-то и позвал Земляную Обезьяну, чтобы сказать ей еще пару вещей.

Волчье племя сейчас жило в северо-восточном углу равнин. Хотя они все еще были далеко, он переживал, что эти две стороны встретятся в будущем, так что он предупредил Земляную Обезьяну.

Та часть равнин была куплена Чжэсю.

Три года назад они провели новогодние праздники на Горе Ли. Чжэсю вдруг сделал эту просьбу, действительно шокировав их всех.

Чэнь Чаншэн, естественно, не хотел брать деньги, но Чжэсю настаивал.

Он вынул все деньги, которые накопил за годы. Хотя их необязательно было достаточно, чтобы купить все равнины, количество было довольно головокружительным. Даже Танг Тридцать Шесть цокнул языком в похвале.

Только тогда все остальные узнали, что когда Чжэсю был изгнан из племени старейшинами, несколько женщин и детей тайно помогли ему.

Он хотел отплатить эту доброту, переместив племя с ледяных равнин снега в место получше.

Он прожил несколько последних лет в избыточной умеренности, ставя жизнь на кон, чтобы убивать врагов и зарабатывать военные достижения, все ради сбережения денег.

Он наконец-то сделал это, и как старейшины его племени посмеют проявлять к нему неуважение сейчас?

Во время Великого Испытания Танг Тридцать Шесть подкупил Чжэсю за половину жареной курицы. В последующей битве Чжэсю сразился с Гоу Ханьши, который был на целую стадию культивации выше, пока солнце не зашло, сыграв самую критическую роль в итоговой победе Чэнь Чаншэна. Он заплатил на это ужасную цену, так как его унесли на носилках, а его тело было в крови.

Но когда все были невероятно растроганы, он думал только об одном: больше денег.

Чэнь Чаншэн почувствовал себя очень эмоционально, думая о тех старых деньках. Он задумался, как у Чжэсю шли дела на Горе Ли, и знал, что Чжэсю определенно отправится на север из-за грядущей войны между людьми и демонами. Что касается Нанькэ... улыбка на его лице медленно отступила.

Он очень хорошо осознавал состояние болезни Нанькэ.

По множеству причин, он не очень любил проводить время в столице в несколько последних лет. Он часто путешествовал и навещал Гору Ли много раз.

Кроме тех людей Ортодоксальной Академии, только те ребята Секты Меча Горы Ли могли относиться к нему, не как к Попу, из-за чего он чувствовал себя более удобно.

Его старший брат каждый год отправлялся в Лоян на новогодние праздники. Кроме одного года, когда он отправился в Вэньшуй, он проводил другие годы, отправляясь с Сюй Южун на Гору Ли.

В эти годы он бывал на Горе Ли около тридцати раз.

Но каждый раз, когда Нанькэ видела его, ее невинное лицо покрывалось искренней улыбкой, а затем она хватала его за рукав и не хотела отпускать.

Даже когда он спал, она настаивала на том, чтобы спать в той же комнате, даже если она была вынуждена спать на полу, даже если у Сюй Южун был очень безразличный вид.

Это была привычка, которую она приобрела на Конной Ферме Наклонного Утеса, что очень хорошо знал Цюшань Цзюнь.

Нанькэ все еще была отчасти глупой, но она все еще глубоко доверяла Чэнь Чаншэну, и ей было очень сложно расстаться с ним.

Она хорошо помнила, кто лучше всех к ней относился.

Чэнь Чаншэн и правда очень хорошо относился к ней.

Эти двое и правда казались настоящими родственниками.

Чэнь Чаншэн хорошо осознавал, как шли дела с ее болезнью. Он оставил ее на Горе Ли в надежде, что Глава Секты сможет вылечить ее.

Он присматривал за состоянием ее болезни. Совершая визит в этом году на новогодние празднества, он знал, что ее болезнь вот-вот будет вылечена.

Это также означало, что она вот-вот проснется.

Когда придет время, что она сделает? И что он должен сделать?

После долгого периода раздумий он оставил письмо с Гоу Ханьши и сказал, что если Нанькэ продемонстрирует признаки пробуждения, необходимо открыть письмо.

Было ли письмо все еще неоткрытым в это время?

.....

.....

Цилинь Красного Облака мог пересечь несколько тысяч ли за день, а Белый Журавль был самой быстрой из бессмертных птиц. Если они пожелают, Чэнь Чаншэн и Сюй Южун могли полететь прямо в столицу, но они решили остановиться посреди путешествия. Возможно, из-за того алого пламени, которое появилось в небе перед ними.

Это пламя не существовало на самом деле, а было сформировано из бесчисленных потоков кровавого ци и убийственного намерения. Оно было только видимо для глаз тех, кто совершил прорыв в Божественный Домен.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун все еще были на достаточном расстоянии от этой грани культивации, но у них был особый статус, который делал их Святыми. Более того, они носили Монолиты Небесных Томов с собой, так что могли чувствовать это.

Пустоши были усеяны людьми. С небесных высот они выглядели, как множество черных муравьев, но в действительности все было не так.

В глазах Белого Журавля отразился страх при виде этого пламени, но Цилинь Красного Облака обрадовался, еще быстрее захлопав крыльями.

В настоящее время на пустошах собралась Армия Провинции Цун, проводя интенсивные тренировки. Иногда из армии поднималось выдающееся ци. Часть ци определенно была работой мастеров массивов, тогда как другая часть исходила от культиваторов, опытных в контроле мечей. Чэнь Чаншэн даже увидел Облако Бушующего Инферно южной Секты Заходящего Солнца в юго-западном углу армии.

Эта армия и правда была довольно ужасающей. Даже он и Сюй Южун не смогут вступить в прямое столкновение с ней.

Наконец, Чэнь Чаншэн увидел генерала перед этой армией.

У этого генерала было невероятно выдающееся ци, указывающее на то, что он был экспертом верхней стадии Конденсации Звезд. Он, предположительно, был Божественным Генералом штаба Армии Провинции Цун.

Через пустоши подул ветер, развевая флаги Армии Великой Чжоу на ветру и обдувая одежду солдат.

Рукав генерала поднялся на ветру. У него не было руки.

Это был Сюэ Хэ.

В перевороте Мавзолея Книг его старший брат Сюэ Синчуань был отравлен до смерти Чжоу Туном. Впоследствии, Имперский Двор и армия устроили жестокую зачистку, которой он, естественно, не мог избежать. Его лишили его поста и поместили под аллею Северного Военного Департамента. Только в тот день, когда Чэнь Чаншэн, Мо Юй и Чжэсю убили Чжоу Туна, он наконец-то смог увидеть свет дня.

Позже Дворец Ли проявил инициативу, что привело к его высвобождению, но ему запретили оставаться в столице или возвращаться в Провинции Цун. Имперский Двор перевел его в Провинцию Хуан, где он стал заместителем командира местного ополчения. К счастью, у него был хороший командующий офицер, так что он проводил свои дни, плавая в реках, карабкаясь по горам, и принимая участие в поэтических соревнованиях. Хотя это нельзя было назвать особенно счастливой жизнью, это была довольно мирная жизнь.

Затем внезапно пришел шторм, учитель и ученик сразились в Ортодоксальной Академии, и Павильон Кленового Леса стал руинами. Ситуация наконец-то изменилась.

Император начал продвигать вперед новое правительство, позволяя группе служащих из прежнего правительства занять правительственные должности. Сюэ Хэ был среди них, получая должность Образовательного Наблюдателя Забирающей Звезды Академии.

За свои три года в Забирающей Звезды Академии Сюэ Хэ горько изучал военную стратегию и совершил большой прорыв в культивации. Даже не осознавая этого, он достиг верхнего уровня Конденсации Звезд.

Император перевел его в Провинцию Цун, где он занял пост своего старшего брата, становясь Божественным Генералом штаба Армии Провинции Цун.

.....

.....

Раздался глухой удар.

Сюэ Хэ поклонился, ударяясь коленом о твердые серые камни.

У него были красноватые глаза, его тело дрожало.

Пропало все чувство собранности и внушительности, с которым он командовал армией десятков тысяч за городом.

Младшая Мадам Сюэ и два сына возраста восьми или девяти лет поклонились за ним.

Клан Сюэ был под строгим управлением. Два молодых хозяина не понимали, почему их отец потерял контроль над собой, но они не смели спрашивать.

Младшая Мадам Сюэ догадывалась, кем были этот молодой человек и женщина, так что тоже поспешила поклониться. Она только переживала, что проявила недостаточное уважение.